

Вечером Е Синью наконец закончил свою дерьмовую работу, целый день вкалывая как вол. Едва он вошёл в дом и не успел ещё съесть ни ложки горячей еды, как увидел, что Чэнь Дун, обнимая своего кролика, шмыг-шмыг-шмыг, подбежал к нему.

Глаза Чэнь Дуна сияли-блестели, радость вот-вот перельётся через края ямочек на щеках, на всём лице написано: «Скорее спроси меня! Скорее спроси меня! Скорее спроси меня!»

Е Синью тяжело вздохнул про себя, сперва переобулся в тапочки, сходил на кухню, налил большой стакан воды, ду-ду-ду, залпом осушил его, потом вытер рот, поставил стакан и посмотрел на доброго соседа по квартире тоном героя, отрубаящего себе руку:

— Ладно, выкладывай, какие у вас сегодня с кофейным братцем новые подвижки? Весь внимание.

— Он и правда меня любит! — Чэнь Дун только и ждал этой фразы и клятвенно заверил: — Он мне сегодня даже анекдот рассказал!

— ...Готов выслушать подробности.

И тут Чэнь Дун затараторил-затрещал, пересказывая всё, что сегодня случилось в кофейне, заодно просветив друга насчёт всей подноготной взлёта и упадка танцевального кружка «Багряный закат».

Дослушав эту длиной в целых двадцать минут историю, в которой не было ни приёма, одни лишь чувства, Е Синью чуть не уснул.

Чэнь Дун-то хотел поделиться с лучшим другом своими маленькими любовными подвижками, да кто ж знал, что он договорится до сухости во рту, а тот даже бровью не поведёт.

— Ну и что? — отозвался Е Синью. — Кофейный братец раньше никогда не рассказывал тебе анекдотов? Тогда то, что он говорил тебе прежде, считается за что? За пустую болтовню?

— А что, если и пустая болтовня? — Чэнь Дун серьёзно и веско поправил его. — Все нежности и любовные речи произошли из пустой болтовни. Если бы он меня не любил, ему вообще незачем было бы вести со мной пустую болтовню.

Е Синью: «.....»

Кролик в объятиях Чэнь Дуна сначала пару раз с силой брыкнул задними лапами, давая Е Синью знак, чтоб тот не болтал лишнего.

Если сказать, что Чэнь Дун — фантазёр, вечно несущийся по дороге романтизма, то Е Синью —

мастер по обливанию холодной водой, обожающий студить все его фантазии.

Приведём самый яркий пример: Чэнь Дун аж до десяти лет верил, что папа с мамой подобрали его из мусорного бака, а в будущем некий ультра-инопланетянин из «Туманности света» прилетит за ним на боевом истребителе и сообщит ему, что туманность М78 переживает огромный кризис и срочно нужно, чтобы он вернулся и возглавил всех ультра-инопланетян для отпора могущественным врагам вселенной.

Услышав подобную небылицу, десятилетний Е Синью отложил книгу, что держал в руках, и спросил его:

— Ты на уроках физиологии и здоровья в школе опять, что ли, заснул?

Десятилетний Чэнь Дун забежал глазами, не отзывался.

— Тебя папа с мамой не из мусорного бака подобрали, — продолжил десятилетний Е Синью, — Ты появился, когда сперматозоид соединился с яйцеклеткой, через вынашивание в матке, и тебя родила твоя мама.

— Я знаю! — десятилетний Чэнь Дун высоко вскинул руку, выпаливая ответ. — Отец Ультра и Мать Ультра же!1

1. Ультрамен / ультра-инопланетяне (ウルトラマン / ウルトラマン) — герои японской токусацу-франшизы «Ультрамен».

Десятилетний Е Синью с трудом подавил порыв закатить глаза:

— А чего ж ты не скажешь, что ты — ребёнок какого-нибудь богача, твои родные родители на отдыхе попали в автокатастрофу, и потому ты оказался выброшен на помойку у входа в наш переулок. А через некоторое время дворецкий в английском костюме-тройке подъедет на удлинённом «Линкольне» к воротам школы забрать тебя и скажет, что твой родной дедушка тяжело болен и срочно нужно, чтобы ты вернулся унаследовать семейное дело.

— А? — десятилетний Чэнь Дун потрясённо уставился на него, долго молчал, прежде чем деликатно спросить: — Звёздочка2, как же я раньше не замечал, что ты так любишь фантазировать?

2. Звёздочка (星星, Xīngxing) — ласковое детское прозвище Е Синью; 星 из его имени 星星 значит «звезда».

Десятилетний Е Синью: «.....»

.....В общем, вернёмся по линии времени в настоящее. Е Синью за двадцать шесть лет жизни бесщётное число раз говорил себе, что ни в коем случае нельзя вмешиваться в любые фантазии Чэнь Дуна, но каждый раз терпел поражение.

Ладно, да пусть Земля погибнет.

— Ты прав, — Е Синью похлопал Чэнь Дуна по плечу. — Кофейный братец точно тебя любит, любовь с первого взгляда, чувство пустило глубокие корни, верность непоколебима.... Кстати, что сегодня на ужин, я жутко голоден?

Хань Сюнь всегда считал себя очень везучим человеком.

Родился в большом городе, семья дружная, в университете изучал популярную специальность — информатику, маленькая программка, которую он смастерил вместе с однокурсниками, после выхода стала очень популярной, а спустя несколько лет её продали за такую цену, что у всех глаза покраснели от зависти, и этих денег ему хватило, чтобы, не достигнув и тридцати, наслаждаться жизнью f.i.r.e.³

3. f.i.r.e. — англ. Financial Independence, Retire Early («финансовая независимость, ранний выход на пенсию»).

Но обратная сторона того, что всё идёт как по маслу — это отсутствие всякой ряби и волнения.

Он был слишком везуч и оттого, наоборот, находил всё неинтересным. В первые годы после обретения финансовой свободы он побыл бэкпэкером⁴, в одиночку укатил в Африку смотреть на миграцию животных. Жертвовал деньги на постройку школ для деревенских детей, но от слащавых церемоний с разрезанием ленточки почтительно уклонялся. В поисках острых ощущений пробовал и экстремальный спорт, но очень быстро пресытился...

4. Бэкпэкер (от англ. backpacker, «человек с рюкзаком») — это путешественник, который ездит дёшево и самостоятельно, обычно с рюкзаком за спиной, без турагентств и дорогих отелей.

Хань Сюнь с самоиронией говорил, что, умри он прямо сейчас, эпитафия наверняка осталась бы пустой — настолько скучная, что и одного слова не высечь.

Друг язвительно прокомментировал:

— Это ты чисто сам себе ищешь хлопот, на ровном месте создаёшь себе заботы, «ради красного словца выжимаешь из себя печаль»⁵. Если хочешь остроты ощущений, иди играй на бирже, инвестируй, открывай своё дело, спусти все свои деньги дотла — вот это уж точно достаточно остро.

5. В совр. употреблении — упрёк в надуманных страданиях.

Хань Сюнь счёл этот совет очень неплохим.

И тогда он и правда возился-возился и состряпал кофейню: на покупку помещения, оборудования да ещё ремонт ухнул почти десять миллионов, и кофейня наконец открылась.

.....За три месяца с открытия дневная выручка — двести.

Друг насмеялся над ним:

— Ха-ха, ну как оно — деньги почём зря жечь, не жалеешь?

— Нормально, — отозвался Хань Сюнь.

Друг думал, что тот хорохорится, но Хань Сюнь не врал, он и правда считал, что вполне нормально.

Клиентского потока в кофейне и впрямь не было: только младшеклассники, после уроков ползающие по всему полу, кружок бальных танцев «Багряный закат», принимающий это место за центр досуга пенсионеров, да ещё один посетитель-писатель, всегда заказывающий самый дешёвый американо со льдом.

.....Его зовут Чэнь Дун.⁶

6. 董 — Chén Dōng — Чэнь Дун. Фамилия 董 (Чэнь) реальная и распространённая, а вот личное имя 董 (dōng) — это звукоподражание, «бом», «бум», «тук» (звук удара, например в барабан: 董董 — «тук-тук», «бум-бум»). Как настоящее личное имя 董 практически не встречается — родители так детей не называют. Поэтому для Хань Сюня имя звучит как нарочно придуманное,

«несерьёзное», игровое — типичный признак сетевого псевдонима автора.

Это, должно быть, не настоящее имя, а псевдоним.

Хань Сюнь искал в интернете произведения Чэнь Дуна. Сказать, что много — немного, сказать, что мало — немало. Фантастика, эссе, детская литература, всего понемногу.

До чего же впечатляюще.

Хань Сюнь растрогался. У Чэнь Дуна целый живот чернил, его эпитафию наверняка иероглифами не уместить — столько, что не высечь.

Чэнь Дун сегодня поздно встал.

Винить тут можно только тот невнятный сон, что приснился ему прошлой ночью: будто он умер, но и после смерти ему не было покоя. Е Синью в мгновение ока обернулся его редактором, прибежал к его могиле, постучал и спросил, какого писателя он намерен пригласить написать предисловие к его эпитафии, рекомендательную надпись на поясок-обложку, отзыв на заднюю сторону обложки.

Поясок-обложка

Он в злости выкарабкался из могилы и заворчал:

— Это что, кого захочу, того и приглашу? Я хочу пригласить Лу Синя⁷, да только Лу Синь меня не знает!

7. Лу Синь (鲁迅, 1881-1936) — псевдоним Чжоу Шужэня, основоположник современной кит. литературы («Подлинная история А-Кью», «Записки сумасшедшего»).

...В общем, сон был нелепый.

К тому времени, как Чэнь Дун, мешкая и копясь, выбрался из-под одеяла, заново подсыпал травы в клетку кролика, одной рукой игрался в телефоне, а другой кое-как заглотив несколько ложек собственноручно приготовленного обеда, часы уже показывали два часа дня.

Он ещё полчаса терзался вопросом «идти ли сегодня работать в кофейню?», и в конце концов скудная сумма накоплений одержала верх над ленью и подстегнула его, взвалив на спину свой маленький компьютер, вступить на долгий-долгий Великий поход⁸.

8. Великий поход Красной армии Китая (1934–1936); пафосно-иронично применено к заурядному походу героя в кофейню.

Издали он заметил, что на пустыре перед кофейней собралось с десяток человеческих силуэтов. Они разбились по парам: мужчины придерживали женщин за талию, женщины клали руки на плечи мужчин и под выкрики «и-два-три, и-два-три» изящно кружились на пустыре. Они и танцевали, и меняли построение: то выстроятся клином, то снова соберутся в круг — узоров без счёта.

Чэнь Дун узнал их.

Да это же кружок бальных танцев «Багряный закат», что некогда властвовал над уголком маленького парка, а в последнее время растерял всё своё положение в цзянху⁹?!

9. Цзянху (江湖) — «вольный мир» странствующих бойцов и мастеров боевых искусств из романов уся.

Та, что стояла прямо впереди и вела танец, как раз новый руководитель «Цветёт богатство и роскошь»...

У ворота повязан ярко-красный шёлковый платок, ну точно ало-алый петушиный гребень-цветок, что развеивается-красуется на ветру.

Чэнь Дун подсознательно втянул шею, сделал большой крюк и, пользуясь тем, что они не замечают, шмыг — нырнул в кофейню.

В кофейне всё как обычно: тихо, спокойно... Нет, не так: у двух больших столов в самом центре на спинки стульев накинуто несколько курток старомодного фасона, да ещё термосы, старые

компьютеры и прочее снаряжение свалены тут же. Похоже, кружок «Багряный закат» только что здесь на халяву пользовался вайфаем.

— Чего сегодня так поздно? — знакомый статный силуэт стоял у стола и поздоровался с Чэнь Дуном.

Перед лицом вопроса Хань Сюня парень вспомнил своё тёплое, полное волшебства одеяло и с нечистой совестью отозвался:

— Да не так уж и поздно.

— Ты обычно приходишь часам к двум, а сегодня уже почти три, опоздал на целый час. — Хань Сюнь направился к кофемашине, над которой клубился пар, и спросил: — Я уж думал, ты сегодня не придёшь... Американо со льдом или ледяной латте? Но сегодня слишком поздно, как бы тебе от кофе не страдать бессонницей. Может, попробуешь новинку нашего заведения?

Сердце Чэнь Дуна заметалось. Он всего-то опоздал немного, а Хань Сюнь так встревоженно-нетерпеливо допытывается о причине, и кто знает, сколько раз за тот час его опоздания он взглянул на часы. К тому же ещё переживает, не будет ли у него от кофе бессонницы, до чего же внимательный и заботливый.

Будь Чэнь Дун императором, он непременно пожаловал бы Хань Сюню титул драгоценной супруги-гуйфэй¹⁰.

10. Гуйфэй / драгоценная супруга (□□, guìfēi) — один из высших рангов императорских наложниц (выше только императрица).

Чэнь Дун, напуская на себя степенный вид, ответил:

— О, дома были кое-какие дела, надо было уладить, — «Выгребать кроличий помёт и менять траву, конечно же, серьёзное дело», — Кстати, что за «новинка», о которой ты говоришь? Сок?

— Нет. — Хань Сюнь указал на тот стол, заваленный куртками, и только тут Чэнь Дун заметил, что в центре стола стоят, оказывается, два стеклянных оздоровительных чайника.

В чайниках лежали нарезанные ломтики фруктов — апельсин, яблоко, снежная груша, красные финики, а ещё, похоже, что-то вроде ягод годжи. Чайники булькали-бурлили, нагреваясь, пускали пузырьки, и в воздухе витал такой фруктово-сладкий аромат, что его невозможно было

не заметить.

— Твой совет очень сработал, это новый фруктовый чай, что появился в заведении, тем старикам он и правда очень нравится. — Тон Хань Сюня был лёгким. — Благодаря твоим добрым словам средний чек сегодня вышел весьма высокий. Не хочешь попробовать?

Чэнь Дуну очень хотелось сказать «да», но он вспомнил о своих скудных гонорарах, поборолся с собой и остатками рассудка спросил:

— ...А сколько стоит такой чайник?

— Денег не надо. — Хань Сюнь выдал неожиданный ответ. — Дарю тебе.

— А? Так... Так ведь нехорошо? — Чэнь Дун переживал за него. — Сейчас работу найти непросто, если твой босс узнает, он у тебя из зарплаты вычтет!

Хань Сюнь приставил один палец к губам, и в спокойных зрачках плескалась улыбка через край:

— Тогда не дадим боссу узнать.

Чэнь Дун заколебался. Он же был хорошим ребёнком, что с малых лет, найдя хоть одну монетку, нёс её дяде-полицейскому, и ни разу ещё не проворачивал такого, чтоб есть-пить на халяву! Но ему до того хотелось распробовать вкус фруктового чая — от одного сладкого аромата в воздухе во рту у него пересыхало.

Видя, что тот всё никак не решается, Хань Сюнь попросту решил за него. Мужчина проворно нарезал фрукты, подогрел воду и, держа чайник фруктового чая, поставил его на тот маленький столик, где Чэнь Дун обычно сидел.

Это был стол с самым лучшим освещением во всём заведении, прямо напротив панорамного окна. Каждое стекло вытерто до чистоты, так что даже волоски тех дядюшек и тётушек, что плясали бальные танцы снаружи на маленькой площади, были отчётливо видны.

Столь же отчётливо виднелось и густо покрасневшее лицо Чэнь Дуна в отражении.

— Сохрани это в тайне за меня, господин писатель.

Хань Сюнь опустил взгляд, глядя на него, мелкие пряди на лбу чуть заслонили обзор, но не заслонили лукавство в зрачках.

«Глоть»

У уха Чэнь Дуна раздался очень громкий посторонний звук, и лишь через несколько секунд он осознал, что это звук собственного кадыка, перекатившегося, сглатывая слюну.

Хе... Супруга-гуйфэй Хань слишком уж искусно пускает в ход уловки, соблазняя нашего вана.¹¹

11. Наш ван (王, bǎnwáng) — самоназвание императора/вана («Мы, князь»; аналог «королевского мы»).

Хоть Чэнь Дун и считал себя яснымудрым, неподкупным и честным государем, в этот момент он не мог не почувствовать, как голова пошла кругом, а взор заволокло.

Он решил, непременно пристроит Хань Сюню роль в своём романе, по меньшей мере мужского персонажа номер пять.

Из тех, у кого очень много экранного времени.

<http://bllate.org/book/17866/1708017>